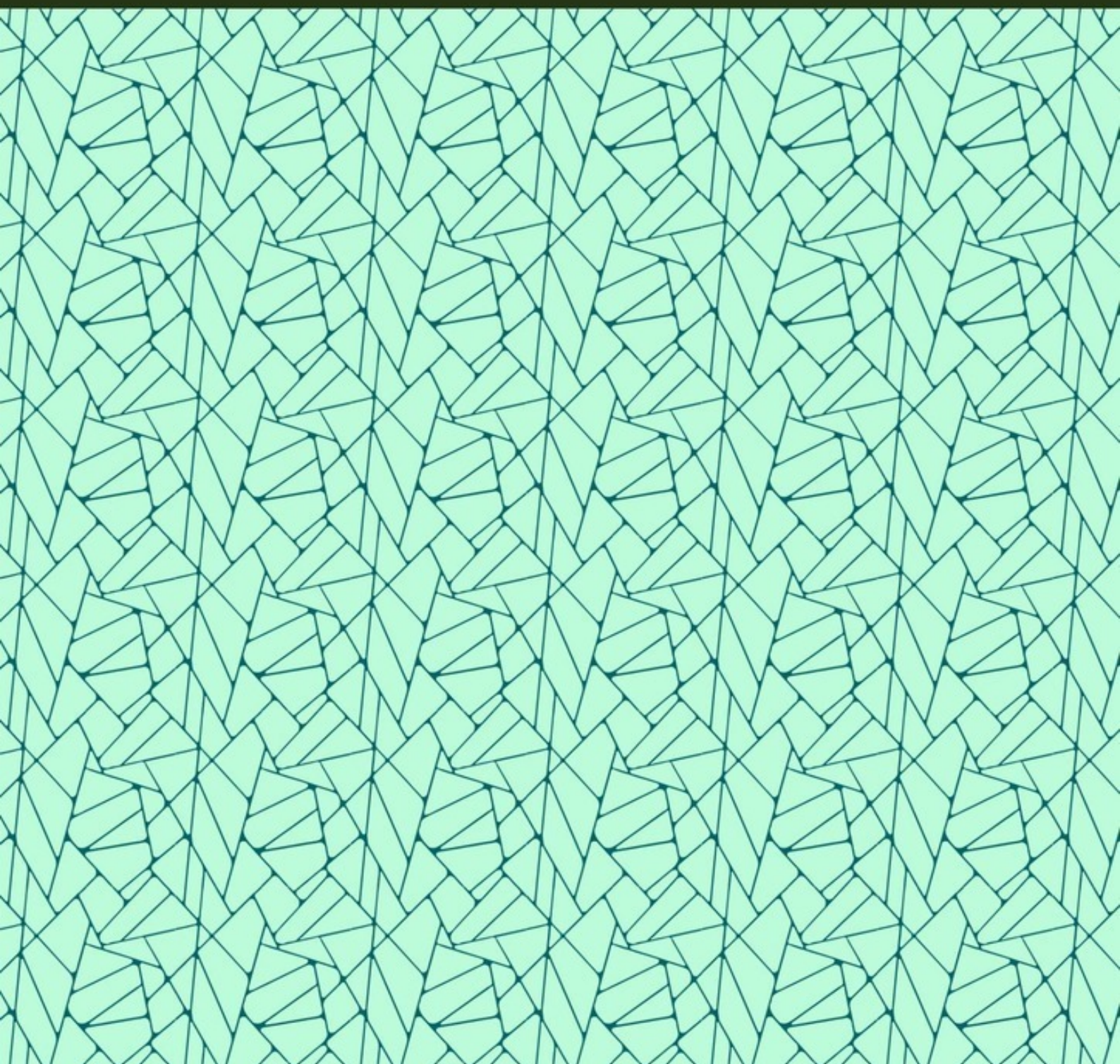


Анатолий Викторович
Давыдчик
Тюрьма



Анатолий Давыдчик

Тюрьма

«Издательские решения»

Давыдчик А. В.

Тюрьма / А. В. Давыдчик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516414-8

«Тюрьма» – книга о тюремном противостоянии бывших военнослужащих-контрактников в местах лишения свободы, и как не оскотиниться и остаться человеком. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-516414-8

© Давыдчик А. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Тюрьма

Анатолий Викторович Давыдчик

© Анатолий Викторович Давыдчик, 2020

ISBN 978-5-0051-6414-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Час добрый, братва, мир дому вашему, делу общему и всему воровскому ходу... – услышал я сквозь сон от тормозов, то есть дверей хаты.

«Еще один клоун, твою мать, нарисовался», – подумал я и пожалел, что нечем накрыться с головой, да и смысла нет, в камере на двадцать две шконки нас человек семьдесят (в праздники и того больше). Нас, бывших вояк, пятеро: я, Шах, Гестапо, Гринпис, и Лесик. Ну об этом позже. В дальнем углу сидели рули, они же – блатные местного разлива. С ними был заключен пакт о ненападении, так как мы на них клали с прибором, а они по шакальей привычке не решались на активные действия. Остальная масса ничего примечательного не представляла, в силу пофигизма. Такая картинка мироустройства, или проще сказать государства.

«От, сука, хрен попишь», – зло думал я, тем временем рассматривая очередные клоповьи укусы на пузе.

– Хорошо тебе, Шах, – обращаюсь я к представителю татарского народа, – у тебя резус отрицательный...

– Нормально, сапер, нам татарам лишь бы даром, – бормочет Шах в ответ, продолжая точить об край шконки металлическую пластину, честно уворованную с прогулочного боксоря.

– Слышишь, сапер, что за хрень?! Эти ластовые дорожников назначили, и прогоны в тетрадь писать будут, любой шмон – палево, отметут тетрадь и крест на хате поставят, че делать? – Шах, не поднимая головы, выдает новости, продолжая точить пластину.

– Валера, – обращаюсь я к Шаху, – ты мало двоих резанул по пьяни, так еще и этих хочешь?

– Да то не люди, и это не люди, – философствует Шах, – знаешь, когда Раскольников спросили на хрена бабку завалил за пять рублей, он знаешь что ответил?

– Я знаю, – вмешивается Гестапо, – одна бабка пять рублей, две бабки десять. Гестапо, он же мой тезка, за пристрастие к пыткам и влетел к нам, все допытывал барыгу одного о секрете его экономического подъема, в итоге узнал, только барыга помер, но потом.

– Сапер, эта блоть давно уже покраснела, как помидоры, надо решать с ними, – продолжает Гестапо, – нам дорога нужна, а эти сидят на ней, как собаки на сене.

Во многом мой тезка прав, у кабуры (отверстие в стене) сидели шестеренки блатных, и тут без вариков. Гонять коня по воздуху, тоже их ушлепки сидят, блин, как у классиков – Кто виноват и Что делать. Ладно, все по мере поступления, сейчас главное списаться с другими хатами, ибо после войны УФСИН задолбалось принимать нашего брата.

Гестапо же продолжил, – Сапер, это сейчас паритет, а если их больше станет, а наших на этапы заберут, у нас вон Гринпис в осужденку ждет очереди, да и Лесик на подходе. Надо решать сапер...

Я молчу, надо думать, а думать стоит о многом. По слухам, начальником нашего заведения стал хороший дядька, ранее командовавший фильтрационным лагерем в Чечне, и свято веривший в методы под названием «Я не вижу крови, мало крови». На новом корпусе бастанула хата из за двух приблатненных челов, так нисколько не думая о конвенциях и правах человека, местные омовцы получили хорошую практику. Идти под молотки как-то не хотелось, поэтому я решил озвучить свой план.

– Значит так, парни, слушайте сюда... – И минут десять излагал в деталях почти всю стратегию и тактику.

– Знаешь, хоть это и не по понятиям, но выхода нет... – задумчиво произнес Гестапо.

– Да на хую я видел эти понятия! Эти что ли по понятиям живут, это тут они законники, а на воле – беспредельщики, их давно об хуй стукнуть надо. Вот они, как собаки, вцепились

в свои понятия, а каждый до кума бежит, наперегонки кто кого сдаст, откуда у них ширево и фильтровое курево? С воли чтоли греют?

– Ага, они последний хуй без соли доедали, а тут грев, шлаебонь местная, – выдыхает Шах.

Я согласен с Шахом, – поэтому работаем тихо, – делаю я вывод. – Да, кстати, с барыгами говорили? – спрашиваю я у парней.

– Есть такое дело. Там Гринпис тер, он в курсе, – отвечает Шах.

– Ладно, проснется – спросим, – говорю я, а сам наблюдаю за очередным шоу. Новенького первохода, развели на покурить и заварить, и теперь чешут ему про арестанские традиции.

– Этот телок явно за мешок картошки сел, – перехватив мой взгляд, подхватывает Шах, – сейчас этого остолопа на пальму к решке погонят.

И точно, этот Вася, валенок, полез на верхний шконарь и заорал в то, что в нормальных домах называется окном, а у нас хрен поймешь что – чудо пьяных сварщиков.

– Тюрьма – матуха, дай кликуху, да не простую, а воровскую!

В соседних хатах подхватили тему и понеслось. – Урод! Пидор! Гандон! – орали соседи. Наши с интересом наблюдали за происходящим.

– Не! Не пойдет! – орал наш придурок в решетку.

Помимо рогатых и пернатых предлагалось много вариантов, но все кончается – на тормозах хлопнула кормушка и раздался голос, – Рты закрыли! Я не ясно сказал?!

– Не, не, начальник, мы все... – засуетился Костик, тварь редкая и по виду, и по духу.

Пока местный клоун (а он так и будет потешать всех весь срок) устраивался в своей новой жизни, началось то, чего я в глубине ждал, но боялся. К нам вдруг подошел один из самых денежных барыг – Иваныч. За что и как замели его, я в подробности не вдавался, да и незачем.

– Привет, мужики, – начал он.

– Ну, здорово, присаживайся, – говорю ему и освобождаю местечко на шконке.

– Тут такое дело... – начал Иваныч, – мы с мужиками посоветовались, и вот что решили... Давайте мы вам платить будем, а то этим, он презрительно посмотрел в сторону блатного угла, сколько не дай – мало, доят и доят, суки, а вы – военные, хоть и бывшие, с вами проще, вы же не конченные, – льстил нам Иваныч.

Мы призадумались. Схема доения у блатных была отработана – они предьявляли торгашу то, что он барыга, ну, а если хочет жить, то надо помогать порядочным арестантам, кои они и есть, ибо страдают они за люд тюремный, а то, что страдают хуйней – это лирика.

– В общем, давай! Пусть тебе в дачке, по-русски – передаче то, то и то (по списку), и денежек пусть перекинут на счет правильных пацанов, которые по пьяни влетели и первый раз помылись-то в тюрьме. Ну дальше больше – теперь братве нужно ширево, для облегчения страдания, как я понял, ну и симки с телефонами. А тащить это должны родственники барыг, рискуя попасть на уголовное дело. Думали мы долго, рано или поздно это должно было произойти, но силенок у нас не густо, поэтому слегка менжевались.

– В общем так, Иваныч, – подвел я итог, – предьявить что платить более не будете должны вы. Так правильное будет. Ну а там – наш базар, как порешим так и будет.

– Мужики, мы поможем, честное слово – поможем, – на прощание сказал Иваныч и, как тень, прошелестел к своим.

– Что делать-то будем, братва? – спросил я. Гринпис уже проснулся и доставал из баула чай, – Че? Че? – буркнул он, – заебало на голодняках сидеть, свое брать надо... – И пошел ставить чифирбак.

– Молодец, однако, отлично слился, – проговорил Лесик.

– Да ладно, после проверки начнем кач, – говорю я ему, а сам беру ручку бумагу, пишу маляву в соседнюю хату, там мастер сидит, он потому и мастер, что владеет всем чем можно в плане драки.

Все как обычно, «час добрый» и все в таком духе, запечатываю, но запаивать не стал. На хрена? Это пусть вон арестанты делают, напишут всякую хрень, запаяют в целлофан (напишут, по зеленой, без запала, сопроводилровку пустят), в маляве, если выкинуть пол листа (час в радость, ходу пароходу, жизнь вора, и прочей ебурги), просьба – поделится табаком да чаем. Дурдом – одно слово. Отдал дорожникам, они тусанули в кабуру. В общем, есть время до ответа. Перебираю в памяти кого и где встречал по боксорям. Выходило нас примерно поровну, что вояк что блатарей. Но качественный состав то у нас покруче будет. Это не бичей щемить, тут на ответку нарваться можно в легкую. Ужин. Первыми рванули двое из красного угла, типа порешать с бландером важные вопросы, хотя на самом деле клянчили погуше да побольше.

– Сапер, тебе брат? – Спросил Гестапо.

– Бери! Чего уж там? Жрать то надо, – без энтузиазма ответил я. Жду ответа, черт, как тянется время...

Каша неплохая, есть можно, если покрошить бульенный кубик, что мы и делаем. Хлеб и сахар мы получили утром, так что не паримся. Не успел закончить ужин, как позвал дорожник, – Сапер иди, тебя к кабуре!

Подхожу, сажусь на шконарь, до проверки еще время есть (на время ее замажут, и все будут делать вид, что ее нет, таковы правила игры, ничего не поделывать).

– Уру-ру, братишка, – говорю в отверстие.

– И тебе не хворать, – доносится в ответ. – Там я отписал тебе, а по теме скажу – мы с тобой, если че, маякуй.

– Спасибо, брат. Все понял. Расход, пока...

Я вполне удовлетворен. Ну, ждем вечера. Проверка прошла быстро, новая смена пересчитала всех в коридоре, потом спящих, лениво постучала киянками по шконкам – всё, все в камеру, шоу отменяется.

Но у нас по плану только начало.

Блатные шепчутся в углу, значит Иваныч объявил о прекращении платежей. Ладно, ждем. В воздухе просто физически ощущается напряжение, мужички испуганно жмутся и косятся в нашу сторону. Даже привычные нарды за общаком и то отдыхают. Гестапо улыбается, Шах прячет заточку в рукав.

– Сапер, тебе!.. – зовут с дороги. Подхожу, точно, малява от Мастера, из под паруса, натянутого в проходняке блаткомитета, слышно шушукание. Возвращаюсь к своим друзьям.

Читаю: «час добрый, парни», – писал Мастер, – «мы обсудили, перетерли, давайте будет по-нашему: дорогу мы возьмем под себя, в осужденке под нами, тоже наши, за транзит не знаю, но они не полезут, в общем, жгем пацаны».

Передаю маляву парням, те молча перечитывают.

– Ну? – спрашиваю я их.

– Замес будет, Сапер...

– Это хорошо, – вдруг выдает Лесик.

Гринпис, держит в руках кружку с чаем и как-то неуверенно говорит, – завалить надо хоть одного, а так пустое будет...

Ладно, нас пятеро, спина к спине и понеслась....

– Во блин, их этому цирку обучали что ли? – ворчит Шах.

– Бродяги, на сход! – это Костик созывает всех, – Тут тема за общак. Вы, как порядочные арестанты... – И тут все смешалось.

– Хорош базлать, давай по делу! – обрывает его Шах, – Если предьявы есть, то кати, а то че, как целка, крутишься? – Это Шах выходит на центр пятака перед общаком.

– А ты чего барыг подводишь под молотки? – из-за паруса выходит Мотыль, длинный сухой, зечара.

– А с хуя ли. Теперь мой черед, парни сами решили, общак то – дело добровольное, или я не прав?

– Они – барыги.. – с презрением начинает Мотыль...

– И чего? – перебиваю его я, – теперь доить их можно?

– Они должны помогать порядочному люду...

– Слышь, Мотыль, ты что ли порядочный? Когда хата на голяках сидела, вы там, как мыши, чай пили и Винстон курили, а на общак две пачки Примы и весь хуй до копейки? Я не прав, мужики? – Обращаюсь я к хате, хотя прекрасно понимаю, что никто из них не впишется (стадо, че с него взять).

– А те че, больше всех надо? – начинает Мотыль...

– Да! Мне надо, потому что вы – уроды, вы тут козлов из хозбанды хааете, а сами готовы жопу лизать им. А почему, Мотыль, знаешь? Потому что мужики на вас и ваши порядки хуй ложили, и если кто по УДО соскакивает, то это его дело, и не морда он УДОшная, а мужик. Это вы по темноте к операм бегаετε, друг друга сдаете, вы – крысы, сами через жопу УДО зарабатываете, сами слаще морковки ничего не ели. Блатные, в жопу заводные, шерсть ебаная.

Все, рубикон пройден, обратного хода нет. Блатные встали..

Мы впятером стояли напротив, блатные понимали, задний ход – не вариант, но и в драку вмешиваться не резон, так как напротив них стояли не запутанные базаром барыги или мужики, по глупости севшие, а парни, прошедшие огонь горячих точек, которым плевать было на них и на последствия с большой колокольни. Стояли и ждали момента, чтобы разорвать эти пропитые рожи, на чьей совести загубленные жизни простых людей, казалось от них исходил гнилостный запах тления. И этот момент настал, спонтанно, как всегда и бывает.

– Ты че?! С тебя спросить надо! – заявил Мотыль. И тут, как-будто что-то лопнуло... С криком – бей! – со всей злостью бью его в лицо. «Сука, только б об зубы не поранится, гнить будет, сука...» – от этой мысли почему-то появилась ярость и бью его уже головой. Краем глаза вижу визжащего Костика с заточкой, он кидается на Гринписа, – ох зря! – уже не видя, я слышу глухой хруст (Грин просто, как учили в славной армии российской, сломал ему руку), трое блатных, чьи имена и погоняла мне были безразличны, по сути, превратились в отбивные. Шах, держа за кадык хрипящее тело оппонента, все порывался толи убить его толи просто покалечить (судя по мечтательному лицу, явно не решил еще). Лесик с Гесом забили ногами двух своих на шконарь, и вытащили на центр хаты баулы с так называемым общаком. Я бросаю Мотыля, и команду – Ша, парни, отбой, однако! Курить бросать надо, одышка, мать ее еб. И в это время свистит в руке Гестапо справедлив (железный прут, от шконки), позади стон – оборачиваясь вижу Мотыля, схватившегося за руку, – на бетонном полу лежит заточенный кусок электрода.

– На! – на выдохе бью его ногой в лицо, все, фильма закончилась. Теперь самое веселое.

– Сапер, не оборачивайся, – шепчет Шах, стоя рядом со мной. – Тут пока метелица была, шнифт не закрывался – завтра, вот увидишь, правило будет.

– Да и хуй с ним! – огрызаюсь я, – тащи баулы, Лесик.

На общак просто вывалили содержимое сумарей, в коих, если верить, был общак хаты. Общак продола, и еще хрен знает чего.

– Мама, в рот мне ноги, – воскликнул Лесик. Перед нами лежало целое богатство по арестанской жизни: сигареты, особенно любимые и статусные Кэптен Блек и Кент всех цифр, чай, отдельно в фольге, инсулиновые шприцы и фасованные чеки, с дрянью, так же лежали футболки, носки, и всяческая тряпичная хренотень. Особенно умилила пара спортивных костюмов, ибо чисто пасану (именно пасану) не гоже освобождаться без спортивного костюма – это не по понятиям.

– Мужики, значит так, сумари ставим под общак, чтоб каждый знал, что и сколько лежит. Брать только на хату, остальное разберемся, – команду я.

Глава 2

Резко зашумели ключи и тормоза распахнулась, помимо коридорных в проеме стоял по всей видимости ДПНСИ и дежурный опер.

– Так что тут у вас? – Грозно вопрошает ДПНСИ.

– Ничего, начальник, просто власть поменялась, – как-то весело отвечает Гестапо.

– Тааак, – тянет время дежурный помощник, – этих в боксарь, завтра разберемся, – он тычет пальцем на потерпевшую пятерку. Те, как-то бочком, засеминили на выход. И тут в соседней камере кто-то заколотил в двери.

– Начальник, выводи!!! Убивают, начальник! – верещал чей-то голос.

– Тьфу, блядь, революционеры, – плюется на пол ДПНСИ, – закрывай, на хуй! А вы бегом к стене, порядок знаете – рывкает он на блатных. Ночь прошла в бумагописании. Отписав всем, кому надо, переговорив с Мастером с соседней хаты и обсудив варианты развития событий, уже под утро, решили вздремнуть. В камере соблюдалась тишина, все что-то ждали, и только нашей компании было уже плевать. За час до проверки меня разбудил Гестапо. – Давай, Сапер, день трудный – чифирнем пару раз. Пайку Лесик получил, пока тихо, прогонов не было, дорожников заменили, – вкратце обрисовал он ситуацию.

Пока гоняли кругаль по кругу, возникла шальная мысль – Мужики, сто к одному – смотрела припрется. Это хач, может его того?

– Гринпис скалится, – хорош чурка – мертв чурка!

– Давай, один хуй терять нечего, прем до талого.

До проверки успели занывать телефоны, отнятые у блатарей, да еще разок чифирнуть. С лязгом распахнулись тормоза:

– Выходи строится! Все, я сказал! – продольный держал в руках карточки, значит надолго. Выходим, лицом к стене, и началось – офицер называл фамилию, в ответ подследственный называл имя, отчество, статью и в камеру. В конце прохода стояли две девушки с собаками, но не очень милыми. Когда уже все были в хате, меня и Геса оставили в коридоре.

– За мной! Руки за спину! Не отставать! – скомандовал старший смены и повел нас в конец коридора, где была то ли комната то ли закуток, в простонародье – козлятня.

– Заходим! – командует старшой, и закрывает дверь. Перед нами майор, почти двухметрового роста и с глазами людоеда.

– Ну, рассказывайте, – я – начальник режима, майор Копылов. И не вздумайте пиздеть, угандошу!

Мы переглянулись и я начал рассказ. Рассказывал долго, минут двадцать, под конец закончил, – нам, гражданин начальник, все равно аминь, но эту шерсть давили и давить будем, вот так вот. А, если буча на централье будет, так, если надо, я лично отвечу....

Копылов подождал минуту, – Все?

Мы кивнули.

– А теперь, слушай сюда, Чегевара хуев. Фартовые вы – наши интересы совпали. На крайний случай поддержка будет, а так сами. Начали, так заднюю не врубайте. Начальник держит все на контроле, щас с вами еще начопер поговорит. Ну, а вам своих надо в хозбанду направлять, будем вставать на путь исправления – и тут он хмыкает, – навязались на мою голову. В Чечне были, знаю. Но тут другие методы, хотя и зря... – он встает и уходит, а на его место приходит похожий, как брат близнец, майор и все по второму кругу. Под занавес он все же не выдержал – значит так, телефоны не палить! Это наши телефоны! Че смотришь, а то ты не знаешь, что вся блоть у нас вот где – и он показывает кулак. Хотите власти? Будет, но под нашим контролем, телефоны в трубке вбиты, записано как мама и папа, понятно? В хозбанду я переведу ваших, ее давно тряхнуть надо. Все, идите! Да, и если смотрящий притопает, а он

притопает поверьте мне, то мне по хуй, я понятно выразился? – Мы опять киваем, как китайские болванчики. – Сами заварили, сами и... Ну, в общем-то вы поняли. Все, в камеру! Конвойный, уводи!

В хате нас встретили, как выходцев с того света, напряжение не спадало. Гринпис заварил чай, а Шах просто резался в нарды с Лесиком, при этом делая ошибки за ошибками. Объясняем всю суть наших бесед, Шах въезжает первый, – значит, внутрисемейные разборки? Возьмем мы – централ покраснел, возьмут они – будет повод, и опять централ покраснел. Стратеги, мать вашу..

– А, у нас теперь выхода нет, парни, – Лесик меланхолично пьет чай, – продует – менты добьют, а возьмем – тоже не факт. Нашим отписал, с Мастером базарил, тот вообще без башки, сказал ему по тяжу, вообще по херу, одним эпизодом больше одним меньше.

– Братва, прогон пришел, – прервал наши размышления дорожник.

По идее, такие вещи должен был вскрывать смотрящий хаты или кто-то из его близких, но таковы покинули наши стены, и поэтому я иду, вскрываю маляву, читаю вслух: «Час добрый, братва, бла, бла, бла, и, наконец-то, главное – вчера в хате такой-то правильных и честных бродяг (конечно, а каких же еще, забыли указать еще, любящих сыновей), по беспределу вынудили выйти из хаты...» Ага, прям так и было. Ну и теперь объявить нас гадами и спросить по всей строгости арестанской жизни. Еще бы написали «довести до всего личного состава», твою мать. Смотрю на точковку внизу листа, отметились только, так называемые, черные хаты (умилила подпись Мастера «тебе надо, ты и спрашивай»); ставлю отметку «ознакомлен» и подпись «Сапер, хата такая-то», отдаю дорожнику, – тусуй дальше! Тот, чуть ли не бегом к дороге и через минуту малява ушла.

– Ну, друзья мои, ждем автора данного опуса, некоего Гошу Тбилисского (охренеть, в центре России, лаврушник учит как жить).

– Сапер, тебя Мастер, – подобострастно зовут меня к кабуре.

– Уру-ру, – доносится из за стены, – как сам?

– Как сала килограмм, – отвечаю избитой шуткой, – че у тебя?

– То не у меня, то у тебя че? На справедлив, к тебе гости сегодня будут. К нам никак – нас тут с десятков, им замес не сдюжить, а вот к вам – в самый раз.

– Спасибо, брат, – принимаю у него увесистую арматуру, невесть как попавшую в камеру. Расход! Пойдем готовиться...

День прошел, как обычно: подходил к кормушке медик с таблетками, да спецчасть приходила, ничего интересного. Да, и зашла пара передач к мужикам, из за чего возник вопрос – сколько уделять на общее. С этим вопросом они подошли к нам.

– Знаете, мужики, общак – дело добровольное, есть возможность – помоги, нет – не страшно. Считаешь нужным – ради бога, нет – так и спроса нет. Таким ответом я поставил мужиков в тупик, они привыкли отдавать по фиксированной ставке, а тут самим думать, и самим решать.

– Да ты, прям как законник, – ржал Шах надо мной, – хотя свято место не воробей...

После вечерней проверки стали готовиться к приему гостей. Справедливы были готовы, на острие были я и Гес, Грин отошел чуть назад (ненамного, но назад), а Шах с Лесиком ушли за общак и занялись нардами. Ожидание тянулось, чифир уже булькал в горле, сигареты не успевали гаснуть, как закуривались новые. Вскоре шриффт стал все чаще и чаще дергаться, нас проверяли, и вот наконец ключ в замке лязгает, засов отпирается, на продоле тишина, я уверен – все обратились в слух. Дверь открывается и во всей красе заходит татуированный бабуин и с ним еще четверо, спецом, чтоб на равных.

– Я – Гоша Тбилисский... ТЮРЬМА

Проходит почти на пятак перед обшакон один из его подручных, подобострастно ставит раскладной стул. Гоша сразу взял неверный тон, начав, – Значит так! Вам ломится с хаты. До мусоров тут порядок черный был, есть и будет, крест на хате ставить не буду...

– А ты сам-то кто? – сбивает его с тона Гестапо. – Слышь, чурка козлорогая, ты только недавно стоя ссать научился и тут, на моей земле, в России, порядок устанавливать будешь?!

– Я тебе больше скажу. Вы, русские – бараны, у меня отец – вор, дядя – вор, а вас ебать надо и доить, вы – никто!

– Слышь ты, абрек хуев, – встречает Шах, – мама – вор, тетя – вор... То, что вы купили, это нам насвистать, прикинь! И, если блатота на цырлах пляшет за шмаль, то мне лично по хую, веришь? И в армейке я вас гадов давил!..

– Короче, слушай меня, – начинает Гоша, но Шах повышает голос.

– Ты, чмо кавказкое, думаешь я предьяв твоих боюсь? Да вот хер тебе по всей морде! Я выйду, а я поверь – выйду, по притонам и блатхатам тусить не буду, это вам деваться некуда, у вас нет ничего, вы – голодранцы по жизни. Государство отобрало у вас все, любой барыга с охраной на правиле очко в лепесья раздерет вам...

Гоша стал вставать, но Шах точным ударом ноги отправляет его в дальний угол, четверо его подручных вынули не заточки, нет, настоящие ножи.

«Ну, с богом!» – промелькнуло в голове. Гринпис позади вкладывает мне в руку справедлив, и все – ходу нету пароходу, как говорила одна бабка.

Урка с ножом против Лесика – так, пыль из под ногтей, не успел и шага сделать, как нарвался на нокаутирующий удар ногой в голову. Войска дяди Васи – это вам не это. Трое, еще до конца не успев понять что происходит, получили сразу. Бью ближнего ко мне притом по голове, но он подставляет руку, слышен сухой хруст – нож падает; второй удар и все. Двое других зажались было в углу, ощерившись ножами, но Лесик с туборя хватает фаныч с кипятком и выплескивает им в лица, минута и все готово. Стоим, тяжело дышим.

– Обоссать их что-ли? – Говорит Гестапо, – вытирая кровь с руки.

– Зацепило, однако, – отвечает он на мой взгляд, – старею, брат, старею.

Как в сказке, открываются тормоза, новый ДПНСИ, осмотрев поле боя, ухмыляется.

– Я вижу встреча прошла на высшем уровне?

– А то! – отвечает ему Шах, – мы не виноваты, гражданин начальник, чес слово!

– Ладно, – безлобно ворчит начальник.

– Выноси! Из глубины продола появляются персонажи из хозбанды и, опасливо косясь на нас, забирают двоих, трое кое-как выбираются сами.

Все, теперь можно передохнуть. Мастер тем временем дежурит у кабуры.

– Ну чего, как там, встреча? – спрашивает он меня вместо здравствуйте. Я вкратце поясню ему суть.

– В транзитке блатных щеманули не хило; в три пять и в три девять тоже наши верх держат; в осужденке – раздрай, ждут маляву с воли (там сходняк по вашу душу, вы популярны, как Майкл Джексон). Мастер настроен по-боевому, поэтому у него любой кипишь, кроме голодовки, приемлен.

– Так что, Сапер, нам теперь переть до края. И вот еще, мусора на прогулку если поведут, смотри, они спецом могут совместить либо с четыре ноль, либо один пять, там вообще все блатари. По одному на боксарь не идите, сами понимаете.

– Спасибо, мастер, или вернее благодарю, – усмехаюсь я в ответ, – ладно, расход по мастям, бродяга.

Первая ласточка пришла под утро в виде малявы из осужденки два семь, помимо как всегда, форта, удачи, и всего воровского, там была просьба выручить чем-нибудь от головной и ушной боли, то есть прислать чая и табаку, а так же прояснить, что там такое у нас происходит. Пока я писал ответку и готовил бандюки с грузом, Гестапо разводил клейстер, а Шах рас-

пускал носки на нитки. Ружье нужно было позарез, надо было налаживать связь. Наконец-то, уже перед проверкой, словились с два семь и отправили и груза, и маляв. Поверка прошла странно, просто открыли дверь в камеру и спросили: «Все на месте?»

Я крикнул: «Все начальник!» После чего поверка закончилась. У меня не выходили из головы номера под записью «мама» и «папа». Телефон лежал на дальнике в пакете, поэтому достать труда не составило. Минут пять колебался кому звонить, наконец-то решился и набрал номер «папа».

– Ну привет, чегевары, – услышал я голос. Сомнения отпали сами, на том конце разговаривал со мной начальник режима централа. Значит все правда, на смену блатным приходим мы, и по сути не меняется ничего. Прав Шах, ох как прав...

Час добрый, начальник! – стараюсь как можно более бодрым голосом ответить я.

– Ну что, не всех поубивали? – как-то весело, даже подозрительно весело, говорит режимник.

– Вы со стукачами разберитесь в хате. Ладно нам, а то этим еще барабанят, – сообщает мне собеседник. – И вот что еще...

В течении минуты я выслушивал отеческие наставления, из которых выходило, что я не просто лошара, а лох печальный. В драку то мы ввязались по самые помидоры, но нахрапом, не зная ни расстановки сил, ничего, просто нам везет пока... Пока сверху не передумают. Поэтому, пока ветер, как говорится попутный, надо форсировать события. Поговорив с режимником, я собрал совет стаи и обрисовал ситуацию.

Шах все так же невозмутимо произнес, – стукача ихнего и искать не надо – Король зачистил к дороге часто. Ладно, сегодня стреляться будем, а там качаем.

На том и порешили. Спали, как всегда, по очереди, ждали вечера. А уже после проверки, ближе к полуночи, Гестапо приготовил конусообразные бумажные типо воланы, с тонкой ниткой от носков, контролька в обиходе, а Шах забрался на верхний шконарь с трубой из газеты. Наступило время. Малява о времени стрельбы, кочуя через прогулочные боксари, уже была у адресата, так что нас ждали.

– Уру-ру, пять семь...

Пауза.

Оттуда наконец – Да, давай...

Теперь все зависит от состояния прокуренных легких Шаха – выдох, плевков, и волан (она же – пуля) ушел, нитка быстро слетала с карандаша. Все неволью затаили дыхание, обычно нужно было два три выстрела, но тут действительно, дуракам везет.

Слышен голос, – Дома!

Шах орет, – принимай! – и привязывает к еле заметной нитке уже потолще, а за ней пошел канат, сплетенный из шерстяных носков и свитеров, распускали и плели весь вечер, еще при прежней власти. Дорога работала, груза и малявы через воздух приходили и уходили в кабуры. Ну и конечно, куда тут без любви. На женский и из женского продола летели писульки «люблю, куплю и полетели», эх жизнь, она и тут – жизнь.

Мы оставили дорогу дорожникам, единственное что контролировали, чтобы шнифт был убит. Поэтому если кто и заглянул бы в глазок, то увидел бы спину потенциального зека, который, якобы, варит чай, да тупит, задавая вопрос: «А? Чего?» В общем, схема отработана.

Наши малявы ушли одни из первых, подписали мы их аббревиатурой наших частей, так что блатарям, в основной массе не служившей, просечь фишку ума просто бы не хватило. Ближе под утро подтянули Короля, этот двадцатилетний придурок был насквозь пропитан воровской романтикой, поэтому разговор с ним предстоял долгий и нудный. У него в разговоре постоянно были слова вроде «положенец», «постанова», и так далее, ссылки на авторитетных воров и их сходняки, будто бы он сам там и присутствовал.

После вступления за жизнь я вкрадчиво начал, – Вот скажи мне, дружище, ты к гопникам как вообще дышишь?

Тот призадумался, – Не мужики, но им что на дядю горбатится чтоли? Они выбрали свою дорогу, уважуха..

– А теперь, смотри, – начинаю потихоньку закипать я, – у тебя мама есть?

Тот кивает головой.

– Воот, – продолжаю я, – она не блатная, она всю жизнь ебашила, чтобы сыночка своего одеть, обуть, да накормить посытнее. Вот идет она уебанная с работы, еле ноги тащит, думает как бы сыночку, кровинушке своей передачку замастырить, а ее по головке тюк и забрали все, да спустили, на бухло, блядей и наркоту. А че, им же уважуха, они, блядь, рыцари с большой дороги!..

– Да я не в этом плане... – начал этот уродец.

– Заткнись, сученок и слушай! – уже окончательно зверею я, – маму ты любишь, песенки Круга любишь (как же, мама мамочка). Да никого ты, мразь, не любишь! Себя только! А маме пишешь – «Принеси, Купи, Достань!» И тебе похуй, что матери лекарства нужны, что в нее соседи пальцем тыкают, маму он, блядь, любит... Романтик нашелся!

– Да я это... – Король даже побледнел.

– Хули Это?! – выдаю ему я, – Хочешь быть блатным? Пиздуй! Только вот что уяснить надо, когда ты на обоссаном матрасе будешь подыхать от передоза или паленки, в компании таких же синих дебилов, вспомни, вспомни, сука, сегодняшний день. Ты – мразь малолетняя, не тебе осуждать мужиков, которые сели! Это – их жизнь! Ты на себя посмотри, шестерня тупорогая, мы думаешь не знаем, что блатным стучишь? Знаем, еще как знаем. А почему мы тебя не ебнули знаешь?

Тот бледный, как мел, молчал.

– Да потому что нам насрать на таких, как ты! Тебя свои же на кукан насадят, просто так от скуки, как молодое мясо, а подвести тебе хуй к носу это как два пальца обоссать, ты меня понял? Иди!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.